

Русский язык: перспективы в политике и культуре

(из стенограммы заседания
Русского интеллектуального клуба)

Л. И. ШЕРШНЁВ,

*президент Международного общественного
фонда национальной и международной
безопасности, главный редактор журнала
«Безопасность», эксперт Государственной
Думы и Совета Федерации
по безопасности, генерал-майор запаса:*

— У меня есть небольшой упрек в адрес организаторов сегодняшнего заседания. Я читаю свою фамилию в программе: «Шершнев». Но ведь я — Шершнёв. Да и зовут меня Лёня. Думается, игнорирование буквы «ё» отражает наше отношение к русскому языку в целом.

К слову сказать, я заметил такую тонкость. Если газета использует в публикациях букву «ё», как, скажем, «Литературная», она относится к числу патриотических. А вот «Независимая», игнорирующая эту букву, уже имеет другое содержание.

Впрочем, как оказалось, букву «ё» игнорируют даже учебники русского языка. Позавчера я потратил 200 рублей и купил учебник «Русский язык и культура речи», изданный в 2007 г. Так вот, в этом учебнике такой буквы, как «ё», — тоже нет...

Так что, думаю, борьбу за восстановление позиций русского языка можно начать с возвращения этой самой буквы «ё»...

Теперь — о политической спекуляции, связанной с нарушением норм русского языка. Речь идет об Украине, которая, как известно, отказалась от русского языка, объявив государственным украинский. Думаю, именно из политических соображений, утверждая свою независимость от России, украинские власти и ввели свою особую норму — «в Украине». Какие же аргументы выдвигают

в пользу отказа от традиции? «Вы же, русские, не говорите «на США», «на Америке», «на Англии», а говорите: «в США», «в Америке», «в Англии». Вот и давайте говорить: «в Украине». Даже непререкаемый авторитет Тараса Шевченко, который в своих произведениях употреблял выражение «на Украине», не помог?

Думаю, подобным приемам информационной войны (а этот прием, безусловно, — один из них) нужно не потворствовать, а давать отпор, поскольку речь идет о разрушении устоев суверенного русского языка. Мне кажется, мы еще вообще в полной мере недооценили опасность деструкции языка в условиях столкновения цивилизаций.

Если раньше противостояние происходило на уровне идеологии, то сегодня одной из его форм стало разрушение языка того или иного народа, той или иной страны.

Ещё на одну деталь хочу обратить внимание. Часто можно услышать слово «русскоязычный». У меня вопрос: кто это? И что это за явление, которое выдаётся за «русскость»? Нет ли здесь опять какого-то подвоха? Думается, необходимо определиться и с этим понятием, поскольку без него сложно говорить о перспективах русского языка в политике и культуре.

Между тем проблема вышеназванных перспектив русского языка тесно связана с представленностью в нём русской политической этики, определяющей нравственные начала поведения человека, государства. Политическую этику вообще можно рассматривать как определитель уровня идейных цивилизационных расхождений, соотношения материальных и духовных факторов, русскости и нерусскости. До тех пор, пока

в русском языке господствует либеральная, западническая политическая этика, у него, на мой взгляд, радужных перспектив нет. Собственно, этих перспектив нет и у самого носителя русского языка — русского народа.

Мои предложения. Если наше общество хочет коренным образом изменить ситуацию, связанную с русским языком, ему надо приступить к разработке новой, русской по духу, Конституции, в которой следует закрепить положение о русском языке как высшей ценности общества. Здесь же необходимо определить меры по защите русского языка, установить гражданскую и нравственную ответственность за ущерб, ему наносимый.

Возможно, следует предусмотреть экзамен по русскому языку и для аспирантов, и для государственных служащих, занимающих определенные посты. И, безусловно, необходимо продумать систему мер, способных воспитывать у школьников, студентов, у всех русских людей гордость за то, что они владеют русским языком и принадлежат к русской культуре.

И. А. Михайлов,

*вице-президент РИК, политолог,
профессор, член Союза писателей России.*

— В той или иной степени последние 15–20 лет мне приходилось заниматься вопросами русского языка в средствах массовой информации ближнего и дальнего зарубежья. Вспоминаю состоявшуюся в начале 90-х годов встречу с послом Болгарии, который в приватной беседе поставил передо мной несколько прямых вопросов: «Почему Россия отказывается от завоеванных в Болгарии и на Балканах в целом позиций? Куда делись русские газеты и книги? Сегодня в Болгарии на русском языке говорят все меньше и меньше. Присылали бы, хотя бы по минимуму, русскую литературу в Болгарию, ведь здесь второй язык был — русский».

Работая в Правительстве, я занимался проблемами нашего ближнего зарубежья,

в частности Прибалтики. Тема очень болезненная, особенно в Латвии и Эстонии. В 1999 г. была принята рамочная Конвенция о защите прав меньшинств, согласно которой, если в стране национальные меньшинства составляют около 20% населения, надписи на государственных учреждениях должны быть представлены в том числе и на языке этого меньшинства. Например, в Эстонии, где проживает небольшая коммуна шведов, на шведском языке есть и надписи, и дорожные указатели. Однако даже в Нарве, где до 90% населения — русские, нет надписей на русском языке.

О чем это свидетельствует? О том, что Россия не использует доступные ей рычаги влияния. Какие-то действия с ее стороны начались только после того, как эстонцы переместили памятник освободителям Эстонии.

Теперь об отношениях между Россией и российскими диаспорами в странах СНГ. Хорошо, конечно, что в Киргизии решили сделать русский язык вторым государственным. В Армении русскому языку тоже уделяют немалое внимание, чего нельзя сказать, например, о Казахстане...

В настоящее время русская диаспора, составляющая 25–30 млн чел., испытывает колоссальную нехватку российской периодики и хороших книг, короче, «голод» по правильному русскому языку. В советское время язык СМИ считался эталоном. Но сегодня, экспортируемый в основном через телевидение, он таковым быть перестал.

Те речевые стереотипы, которые теперь насаждаются, представляют собой примитивные коммуникативные конструкции. И возникает резонный вопрос: как, по каким критериям принимают сегодня на работу в средства массовой информации? Не могу понять и другое: почему глава нашего государства выступал в бундестаге на немецком? Президент России на официальных встречах должен говорить по-русски. Другое дело — приватные разговоры, беседы с политическими лидерами в неформальной обстановке.

Сегодня хранителей русского языка можно считать буквально на пальцах: это теле-

визионный канал «Культура», детские передачи и представители сравнительно немногочисленного интеллектуального сообщества. Что же касается отечественной интеллигенции, то можно смело сказать, что сегодня в России ее практически нет: интеллигенты атомизированы, редко собираются и мало говорят не только на общественно значимые темы, но и на хорошем русском языке.

С. А. КУНЦЕВА,

*кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой филологических
дисциплин МосГУ:*

— Хотелось бы остановиться на проблеме взаимопонимания. Достаточно ли для достижения взаимопонимания между людьми, живущими на Земле, знания только родного языка? Как полагают некоторые, достаточно.

Но есть и другое мнение. Существует такое понятие — «словесная картина мира». Эту картину человек осваивает с младенчества. До трех лет ребенок совершает подвиг: овладевает своим родным языком. Впоследствии картина мира усложняется, дополняется, прирастают знания... Но овладение языком происходит до трех лет.

Разумеется, современные люди должны хорошо владеть родным языком, должны быть грамотными: безграмотный человек, не понимающий системы своего родного языка, не способен упорядочить и свои собственные мысли. Ошибки грамматические, орфографические, пунктуационные вносят беспорядок и в те мысли, к которым он стремится приобщить окружающих. Поэтому и в вузе, а не только в школе, нужно обращать внимание на знание русского языка. Я говорю не о специальных курсах, а о знании, как сказал уважаемый профессор Костомаров, текстов. Текст — главное, поскольку именно он свидетельствует об уровне владения языком и речью.

Сейчас очень много говорят о свободе. Но только культурный человек в состоянии по-

нимать, что можно, а что нельзя. Только культурный человек может ощущать себя свободным. Он знает нормы. Он знает, к каким последствиям может привести нарушение этих норм. У языка, как и у речи, есть свои нормы. Поэтому, если не научить людей соблюдать эти нормы, ни о каком культурном обществе, ни о каком культурном человеке говорить нельзя.

А. И. ФУРСОВ,

*кандидат исторических наук,
заведующий отделом Азии и Африки
ИНИОН РАН, директор Института
русских исследований МосГУ:*

— Однажды великого русского шахматиста Алёхина спросили, что такое шахматы: «Спорт или искусство?» На что он ответил: «Ни спорт, ни искусство. Шахматы — это борьба»...

Разумеется, язык — слишком многогранное понятие, и свести его только к борьбе невозможно. Но обстоятельства последних 30–40 лет позволяют предположить, что именно язык становится очень серьёзным средством борьбы между классами и группами.

В Калифорнии много надписей на испанском языке. Причем не только в Калифорнии: с ними можно встретиться и в Вашингтоне, и в Филадельфии. Заметьте, речь идет не о западном, а о восточном побережье. Экспансия этого языка налицо.

И еще об одном факте хочется сказать, о факте столкновения языков. Я думаю, во все не случайно в мире нарастает противостояние двух самых сильных держав: Соединенных Штатов и Китая. И дело не только в собственно цивилизационных отличиях, которые выражаются и в языке. Обратите внимание, сегодня вторая в мире держава — государство с иероглифическим письмом — очень активно использует свой язык в качестве своего рода социального оружия.

И еще. Когда в нашей стране стали говорить о русском языке? Ведь о нем не говорили ни в 50-е, ни в 60-е, ни в 80-е годы. Просто

тогда весь мир учил русский. Но сегодня его действительно изучают все меньше, а вот китайский в тех же США и Европе — все больше и больше. Этот факт и есть реальный показатель экономической, политической и социальной мощи этих стран и культур. Разумеется, не столь важно, какое количество населения говорит на том или ином языке. Потому что мир, по Эйнштейну, — понятие не количественное, а качественное. Реальная сила той или иной этнической классовой группы не ограничивается только ее численностью.

Совершенно очевидно, что перспективы русского языка во многом определяются государственной политикой страны, причем не просто политикой, а тем, насколько четко государство выражает свои национальные интересы. И в этом плане проблема русского языка — не только проблема нашей национальной безопасности. В конечном счете эта проблема — суверенитета. Проблема жизни в мире, выживания. Потому что выжить можно только на собственном языке, который является носителем культурно-психологического кода народа.

О. В. ДОЛЖЕНКО,

*доктор философских наук, профессор,
главный редактор журнала «Alma mater»
(«Вестник высшей школы»):*

— Думаю, нет смысла много говорить о резком падении в последние десятилетия знания русского языка. Это факт — безусловный, причем особенно хорошо осознаваемый, если речь идет о преподавателях высшей школы. К сожалению, в подавляющей своей части преподавательский корпус (профессора и доктора наук, доценты и кандидаты) не владеют русским языком. Многие просто не могут связно изложить несколько тривиальных мыслей (я уж не говорю о знании источников, уровне профессионально-педагогической подготовленности).

И еще один настораживающий факт: диссертаций пишут все больше, а мыслей в них

становится все меньше. Достаточно прочитать рефераты диссертационных исследований. Да и откуда этим мыслям взяться, если язык соискателя порой таков, что возникает вопрос: а окончил ли он хотя бы среднюю школу? (А ведь с соискателями, как правило, работает еще и не один «переписчик» объекта, предмета и задач исследования!)

В общем, за двадцать с лишним лет работы в журнале мне никогда не приходилось сталкиваться с таким русским языком, как теперь. Возможно, происходящее — результат специализации, своего рода профессионального «кретинизма», когда человек знает много о немногом. Но согласитесь, что за этим «многим о немногом» скрывается страшно: утрата способности к пониманию. И тут возникает вопрос: а не есть ли все те безобразия, свидетелями которых в России мы являемся, в частности, и результатом того, что люди перестали понимать происходящее, утратив знание своего родного языка? Когда-то О. Мандельштам писал: отпадем от русского языка — погибнем окончательно. И похоже, он был прав. Похоже, что как раз такой период своей истории мы и переживаем.

Повторюсь еще раз: происходящее с русским языком — дело небезобидное, поскольку представляет собой один из способов нарушения способности понимать.

И еще. В нашей стране никогда не уделялось много внимания логике (что уж говорить о риторике!). А о правильной постановке вопросов и практике ответов на них вообще речи никогда не шло. Но ведь еще в Средние века искусству вопрошать и отвечать обучали именно как искусству. Правильно спрашивать и отвечать специально учили...

Для меня очевидно, что время ответить на вопрос, какой должна быть политика в отношении русского языка, давно настало. То, что язык нуждается в защите и бережном к нему отношении, — аксиома. Тогда почему же, спрашивается, она таковой больше не является? И не обусловлена ли сама деградация русского языка той системой обу-

чения, которая практикуется, в частности, в высшей школе?

Попытаюсь прокомментировать сказанное.

Если в средней школе ученик еще вынужден читать художественную литературу, писать изложения и сочинения, переживать, этически и эстетически осмысливать тот или иной сюжет, то после поступления в вуз все подобные «ухищрения» остаются в прошлом. Задача упрощается: студент должен овладеть содержанием дисциплин учебного плана, структура которых выстроена логически непротиворечиво и описывается с помощью категориального аппарата той или иной области знания, т. е. специально отработанного языка науки... В итоге учащийся овладевает (или может овладеть), например, полной системой уравнений Максвелла, приемами сложных математических вычислений... Но понял ли он суть самих этих уравнений? У меня на этот счет большие сомнения. Ибо вся эта достаточно сложная математика никакого отношения к реальному процессу познания не имеет. Ведь речь идет лишь о дисциплинарной форме представления знания (или информации). На самом же деле все обстоит и проще, и сложнее.

...Специалист живет как бы в двух мирах. В одном бушуют реальные страсти, конфликты, случается весна и гложут вечные сомнения. В другом, где он оказывается в рабочее время, в мире предметной профессиональной деятельности, все (или, по крайней мере, многое) должно быть выстроено в логике рационального, а потому искусственного.

Но подлинный творческий акт происходит за пределами искусственной рациональности. Его корни в реальной жизни. И знаменитое яблоко, осевшее у Ньютона и подсказавшее ему формулировку закона, — важнейшая компонента и условие научного творчества.

Предлагая студенту итог научной деятельности, преподаватель отсекает движущие силы научного поиска, связанные с личной жизнью ученого. Но без «мелочей», характеризующих эту жизнь, без представ-

ления об особенностях той культуры, носителем которой является тот или иной ученый, понять путь, который привел его к открытию, невозможно. Между тем содержание современного учебного процесса вырывает ученого из гущи жизни, из той атмосферы, благодаря которой он только и мог стать профессионалом и творцом.

Все мы не прочь порассуждать о проблеме гуманизации и гуманитаризации образования, хотя ее решение может оказаться весьма простым: ведь в науке есть не только результаты, но и человеческие судьбы, переживания и страдания ученого. Задача оказывается очень простой (по формулировке): изучать не только «корешки», но и «вершки» в их человеческом единстве, т. е. хорошо бы вернуть человека в жизнь, в стихию его быта, стихию родного языка, представляя материал в единстве искусственного и природного, живого.

Так что, если в сказанном есть определенная доля истины, становится очевидной и неизбежной деградация русского языка.

Конечно, в предложенной постановке задача не выглядит простой. Прежде всего потому, что об этих самых «вершках» у преподавателей весьма поверхностное представление. Но, убежден, решать эту задачу все-таки придется. И решать в весьма сложных условиях. Один из результатов перемен в жизни российского общества мне видится в сужении того социального пространства, в котором разворачивается, протекает жизнь человека. Это пространство сузилось до минимума, практически совпав с телесной оболочкой человека, вся интеллектуальная жизнь которого свелась к стремлению зарабатывать. Сжавшись до минимума, это пространство оставило человеку лишь узкий зазор, заполняемый телесным и весьма убогим содержанием. Бесконечность идеала ушла, оставив только то, что рядом, что можно съесть, приобрести, сделать своим. Такая жизнь не может не уродовать и понимание ее подлинного предназначения, и те языковые средства, с помощью которых человек формулирует, ставит какие-то цели. Состоя-

ние языка — результат духовной изломанности нашего современника, его духовной опустошенности, интеллектуальной усталости и чувства безнадежности...

И последнее. Нельзя ограничивать изучение русского языка средней школой. Русский язык должен изучаться на протяжении всего периода обучения в вузе и даже в аспирантуре. Молодым людям необходимо научиться владеть устным и письменным словом, научиться всматриваться в самих себя, понимать самих себя, наблюдать и постигать смысл происходящего в жизни. И хотя рациональное мышление обладает колоссальным потенциалом, одного его мало. Нужно культивировать уважительное отношение к своему личностному, живому знанию, к знанию телесному, эмоциональному... Короче, ко всем тем типам знания, которые и наполняют нашу жизнь подлинно человеческим содержанием.

С точки зрения сказанного представляется, что всем поступающим в вуз необходимо сдавать экзамен по русскому языку и литературе. Он же должен открывать путь в аспирантуру. Точно так же и соискатель докторской степени должен знать по крайней мере один иностранный язык и иметь публикации в ведущих зарубежных изданиях (что, думается, гораздо разумнее, чем требовать от аспиранта публикаций в ведущих российских журналах. Аспирант в принципе не подготовлен к тому, чтобы написать статью, например, для журнала «Вопросы философии»). Но вот что касается русского языка, соискатель кандидатской степени должен знать его в совершенстве.

Русский язык не может изучаться как предмет по выбору. Он должен входить в учебные планы. Ему нужно учить. Нужно заставлять аспирантов и студентов читать, потому что искусству чтения и понимания текстов никто и нигде не учит. Надо учить работать с текстами, что невозможно без знания языка как пространства, способного порождать мир, быт, жизнь, дух. Мне кажется, самое главное — «обрести свой дом бытия» (Ю. Воротников).

Н. В. ЗАХАРОВ,

доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, ученый секретарь — ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований МосГУ:

— А я бы хотел выступить в защиту изучения иностранных языков, хотя согласен со всем тем, что было сказано в этой аудитории: необходимо заботиться прежде всего о сохранении своего родного, русского, языка. Но неплохо было бы помнить и о том, что культурную элиту России на протяжении всех последних веков отличала лингвистическая образованность. Русская интеллигенция знала не только свой родной язык, но и всегда стремилась к изучению иностранных. Да и пример того, как боролись французы с американизацией в конце 80-х — середине 90-х годов прошлого века представляется весьма показательным. Лет 15 назад мне довелось обучаться в США. И кто бы мог подумать, что близкий к английскому французский отнюдь не помогал студентам-французам его освоению: у представителей другой, не англо-американской, языковой культуры (в том числе китайцев, шведов, немцев, финнов), уровень знания английского языка оказывался выше. Вот вам прямое следствие того, когда на государственном уровне проблемы борьбы с глобализацией и американизацией решаются не совсем продуманно.

Сейчас наученная горьким опытом Франция уделяет большое внимание обучению иностранным языкам, тратя огромные средства, в том числе и на создание специальных государственных программ. Так что судорожные решения насущных проблем, связанных, в частности, и с сохранением национальной культуры и родного языка, хороших результатов, как правило, дать не могут.

С. Ю. ПАНТЕЛЕЕВ,

директор Института русского зарубежья:

— Практически во всех странах ближнего зарубежья русский язык достаточно ак-

тивно вытесняется из культурного, информационного и образовательного пространства, хотя, разумеется, в разных регионах по-разному. Например, в Киргизии с русским языком дела обстоят полегче. Всё больше внимания уделяется русскому языку и в системе образования Таджикистана и Узбекистана. Казалось бы, можно только радоваться. Но проблема все-таки есть. Нужно признать, что в этих странах внимание к русскому языку, к образованию на русском языке обусловлено тем, что огромное количество их граждан приезжают в Россию на заработки.

Как же ведет себя наша страна на этом фоне? Недавно российское правительство создало фонд «Русский мир», работа которого прежде всего связана с проблемами русского языка. Хотя по большому счёту те программы, которые уже реализуются, предполагают решение вполне конкретных вопросов. К примеру, вопросов русскоязычия. И не вводит ли Фонд в заблуждение общественность, когда подменяет понятие «русского» мира понятием мира «русскоязычного»? Дело в том (если, конечно, речь идет о сетевом понятии), что русская диаспора нигде практически еще не сложилась. Те, кто уехали после революции, либо вернулись на родину, либо ассимилировались. Маленькие же ее островки, которые остались, носят, скорее, культурный характер и по большому счёту на политическую жизнь никак не влияют.

Представители современной диаспоры не стремятся к общению друг с другом, так что пока можно говорить о диаспоре потенциальной, нежели реально существующей. Впрочем, уже сложились очень мощные русскоязычные диаспоральные сети, которые используют русский язык как средство общения, не идентифицируя себя при этом ни с Россией, ни с российским государством, ни с российскими национальными интересами, а порой даже ориентируясь на геополитические интересы наших оппонентов. Таким образом, проблема русскоязычия, соотнесенности с «русскостью», явля-

ется не только весьма сложной, но и одной из ключевых с точки зрения сегодняшнего обсуждения.

*И. М. ИЛЬИНСКИЙ,
президент РИК, доктор философских
наук, профессор, ректор МосГУ
(из заключительного слова):*

— Я хочу вернуться к словам сингапурского посла, на которые в свое время сослался проф. К. К. Колин. Суть этих слов состоит в том, что, признавая английский первым языком государства, сингапурцы, так или иначе, «впускают» Запад в сознание своего населения, прежде всего молодежи...

Думаю, прошедшие 15–17 лет реформ в России не прошли и для нее бесследно. Западное сознание, в том числе и через английский язык, проникло в души и умы нашей молодежи, что само по себе — ни хорошо, ни плохо, просто — факт.

Я констатирую его по разным основаниям, в том числе и по такому, казалось бы, маленькому, но знаковому событию, с которым сталкиваюсь каждый год. У нас в университете хорошая самодеятельность. Приходят девочки, мальчики; начинают петь. С ними занимаются. Наконец — первый концерт. И что же? 30–40% песен исполняются на английском языке, и на этот факт я уже не раз обращал внимание организаторов. Я сам знаю английский, изучал немецкий, понимаю значение иностранных языков в мире и т. д. Но, во-первых, не все слушатели в зале знают английский, а во-вторых, далеко не всегда песня на английском — лучшая. И почему все-таки английский? Почему не русский? Но вот проходит время — год, два, и наконец, убеждения срабатывают: молодые люди начинают петь наши русские песни... Так что все не так безобидно, как может показаться на первый взгляд.

Происходит много событий, которые надо осмысливать и понимать, понимать происходящее. Я об этом целую книгу написал «Образовательная революция».

Например, Болонский процесс, в центре которого — проблема мобильности студенчества. Я езжу по разным странам. Встречаюсь с ректорами вузов Франции, Швейцарии, и все они приглашают наших студентов к себе. И резонен вопрос: а ваши студенты к нам? Ведь мобильность — взаимный, двусторонний процесс. Ответ чаще всего один: у нас нет людей, которые знают русский язык. Так что о том же Болонском процессе, к которому я в целом отношусь положительно, надо говорить и в этом смысле. Впрочем, вообще следует помнить, что, прежде чем начинать любое дело, нужно все хорошо осмыслить и понять, торопиться, особенно в некоторых случаях, не надо.

Между тем нет сомнений в том, что английский язык не просто распространяется, но насаждается, как, впрочем, и другие языки. Скажем, тот же арабский. Неподалеку от нашего университета — академия, где бесплатно преподают арабский язык. Почему? Потому, что таким образом можно нести исламскую культуру, «звать» наших студентов, наших молодых людей в свой мир, в свою веру.

Думаю, что и монокультура насаждается. Правда, здесь звучала мысль о том, что это невозможно. В принципе в конечном счете, наверное. Но то, что она насаждается, — тоже факт. И от этого наша культура очень страдает.

Конечно, нынешний кризис русского языка — отражение кризиса нашей страны в целом. Экономического, политического, идеологического, духовного. Отражение утраты интереса к нашей стране в мире в силу многих обстоятельств. По крайней мере, так было еще недавно. Следовательно, и путь воз-

рождения и развития русского языка — это путь возрождения авторитета, силы, конкурентоспособности России, если говорить рыночным языком. Если страна сильная, если в ней сильная наука, техника, развиваются технологии, экономика, а не только добыча полезных ископаемых, интерес к ней неизбежно растет. В эту страну хочется ехать работать, изучать ее достижения. И лучше всего, если есть возможность осуществить все это «прямо», зная русский язык, смотря русское кино и ТВ, читая русскую литературу и прессу. Поэтому, конечно, главное направление развития языка искать надо тоже здесь.

Я думаю, что и интерес к русскому языку упал по многим причинам. И в силу того, что реформаторы образования не без умысла — я убежден абсолютно — опустили и выхолостили программы, прежде всего в школе, причем так, что изменили их содержание, сократив одновременно объемы учебных планов и программ по изучению русского языка. И упал интерес школьников.

По данным опросов, до 30% молодых людей после окончания вузов хотели бы поехать работать за границу! А для этого надо знать иностранный язык. Более 10% хотели бы уехать вообще, т. е. жить за границей, а не в России. А для этого им опять же надо знать иностранный язык, хорошо бы — в совершенстве. И многие молодые люди, уже приходя к нам в университет, знают как минимум один, а некоторые по два, а то и по три иностранных языка, потом они совершенствуют свои знания языков. Что ж, у них свои жизненные планы, которые, к сожалению, слишком часто не связаны с Россией.

Вот в чем заключается беда, вот где корни проблемы с русским языком.